

Фрэнсис ФУКУЯМА

Фрэнсис ФУКУЯМА

**Конец истории
и последний человек**

ACT
МОСКВА

УДК 1(73)
ББК 87.3(7Сое)
Ф94

Серия «Политика»

Francis Fukuyama

THE END OF HISTORY AND THE LAST MAN

Перевод с английского *М. Б. Левина*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
ICM, International Creative Management, Inc. и Andrew Nurnberg.

Фукуяма, Фрэнсис.

Ф94 Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма ; [пер. с англ. М. Б. Левина]. — Москва : АСТ, 2015. — 576 с. — (Политика).

ISBN 978-5-17-089637-0

«Конец истории и последний человек» — это одно из самых известных произведений философа и футуролога Фрэнсиса Фукуямы, ставшее международным бестселлером и переведенное на несколько десятков языков.

Капиталистическая либеральная демократия, убеждает Фукуяма в своей работе, есть конец истории в привычном нам ее направлении. Современные технологии все более способствуют гомогенизации различных культур, достижения индивидуальные превалируют над коллективными.

Результатом становится своеобразная «капиталистическая утопия» — идеальное общество потребления, прекратившее историческое развитие, замкнувшееся внутри себя и, следовательно, поглощенное лишь внутренними проблемами.

Какой же станет философия «последних людей»?

И не станет ли материальная утопия духовной антиутопией?

УДК 1(73)
ББК 87.3(7Сое)

© Francis Fukuyama, 1992
© Перевод. М. Б. Левин, 2015

ISBN 978-5-17-089637-0

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Благодарности

«Конец истории» никогда бы не появился на свет, ни в виде статьи, ни в виде этой книги, если бы не приглашение прочесть лекцию в 1989/90 учебном году, которое мне сделали профессор Натан Тарков и профессор Аллан Блум из «Центра Джона М. Олина по исследованию теории и практики демократии» при Университете Чикаго. Они оба — преподаватели с большим стажем и мои друзья, от которых я потрясающе много почерпнул за годы знакомства — в частности (но не только), политическую философию. Эта лекция легла в основу хорошо известной статьи, к чему приложили немалые усилия Оуэн Гаррис, редактор журнала «Национальный интерес», и небольшой штат сотрудников этого журнала. Эрвин Глайкс из «Свободной прессы» и Эндрю Франклин из «Хэмиш Гамильтон» убедили меня превратить эту статью в книгу и приложили руку к редактированию окончательного варианта рукописи.

Настоящий том невероятно много выиграл от бесед с друзьями и коллегами и чтения их работ. Наиболее важный вклад внес Абрам Шульский, который найдет в книге много своих идей и озарений. Я бы хотел выразить особую благодарность Ирвингу Кристолю, Давиду Эпштейну, Алвину Бернштейну, Генри Хигуэра, Йошихиса Комори, Йошио Фукуяма и Джорджу Холмгрену, которые нашли время прочесть книгу в рукописи и сделать свои замеча-

ния. Кроме того, я хотел бы поблагодарить многих людей, знакомых со мной и не знакомых, которые дали полезные комментарии по разным аспектам настоящей работы, когда она представлялась на различных семинарах и лекциях в стране и за рубежом.

Джеймс Томсон, президент корпорации RAND, был столь любезен, что предоставил мне кабинет на время работы над книгой. Гэри и Линда Армстронг оторвали время от написания собственных диссертаций и помогли мне собирать материал, а также дали множество ценных советов по темам книги в процессе написания. Розали Фोनорофф помогла вычитать рукопись. Вместо стандартных благодарностей машинистке я должен, наверное, выразить признательность разработчикам микропроцессора Intel 80386.

И последнее, но самое важное: это моя жена, Лаура, вдохновила меня на написание исходной статьи и этой книги, это она все время была рядом со мной при всех критиках и возражениях. Она была внимательным читателем рукописи, и невозможно перечислить все ее вклады в окончательную форму и содержание книги. Моя дочь Джулия и сын Дэвид, который решил родиться в процессе написания книги, тоже мне помогли — просто тем, что они есть на свете.

Вместо предисловия

Дальние истоки данной книги лежат в статье, названной «Конец истории?», которую я написал в 1989 году для журнала «Национальный интерес»¹. В ней я утверждал, что за последние годы во всем мире возник небывалый консенсус на тему о легитимности либеральной демократии как системы правления, и этот консенсус усиливался по мере того, как терпели поражение соперничающие идеологии: наследственная монархия, фашизм и последний — коммунизм. Более того, я настаивал, что либеральная демократия может представлять собой «конечный пункт идеологической эволюции человечества» и «окончательную форму правления в человеческом обществе», являясь тем самым «концом истории». Это значит, что в то время как более ранние формы правления характеризовались неисправимыми дефектами и иррациональностями, в конце концов приводившими к их крушению, либеральная демократия, как утверждается, лишена таких фундаментальных внутренних противоречий. Это утверждение не означает, что стабильные демократии, такие как США, Франция или Швейцария, лишены несправедливостей или серьезных социальных проблем. Но эти проблемы связаны с неполной реализацией принципов-близнецов: свободы и равенства, а не с дефектами самих принципов. Хотя какие-то современные страны могут потерпеть неудачу в попытке достичь стабильной либераль-

ной демократии, а другие могут вернуться к иным, более примитивным формам правления, вроде теократии или военной диктатуры, но *идеал* либеральной демократии улучшить нельзя.

Опубликованная статья вызвала необычайно большой поток комментариев и возражений, сначала в Соединенных Штатах, потом в таких различных странах, как Англия, Франция, Италия, Советский Союз, Бразилия, Южная Африка, Япония и Южная Корея. Критика звучала в любой возможной форме; некоторые возражения были связаны просто с непониманием моего изначального намерения, авторы других сильнее вникали в мои доводы². Многих в первую очередь смущал смысл, который я вкладывал в слово «история». Понимая историю в обычном смысле, как последовательность событий, мои критики указывали на падение Берлинской стены, на подавление китайскими коммунистами волнений на площади Тяньаньмэнь и на вторжение Ирака в Кувейт как на свидетельства, что «история продолжается», тем самым доказывая мою неправоту.

Но то, что, по моему предположению, подошло к концу, — это не последовательность событий, даже событий серьезных и великих, а История с большой буквы — то есть история, понимаемая как единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учетом опыта всех времен и народов. Такое понимание Истории более всего ассоциируется с великим немецким философом Гегелем. Его сделал обыденным элементом интеллектуальной атмосферы Карл Маркс, свою концепцию Истории заимствовавший у Гегеля; оно неявно принимается нами при употреблении таких слов, как «примитивное» или «развитое», «традиционное» или «современное», в применении к различным видам человеческого общества. Для обоих этих мыслителей существовал логически последовательный процесс развития

человеческого общества — от примитивного племенного уклада, основанного на рабстве и жизнеобеспечивающем земледелии, к различным теократиям, монархиям и феодальным аристократиям, к современной либеральной демократии и к капитализму, основанному на современных технологиях. Этот эволюционный процесс не является ни случайным, ни непостижимым, даже если развивается он не по прямой и даже если усомниться, что человек становится счастливее или лучше в результате исторического «прогресса».

И Гегель, и Маркс верили, что эволюция человеческих обществ не бесконечна; она остановится, когда человечество достигнет той формы общественного устройства, которая удовлетворит его самые глубокие и фундаментальные чаяния. Таким образом, оба эти мыслителя постулировали «конец истории»: для Гегеля это было либеральное государство, для Маркса — коммунистическое общество. Это не означало, что остановится естественный цикл рождения, жизни и смерти, что больше не будут происходить важные события или что не будут выходить сообщающие о них газеты. Это означало, что более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы будут решены.

Настоящая книга не есть повторение моей статьи и не является попыткой продолжить дискуссию с ее многочисленными критиками и комментаторами. Менее всего ее целью является разговор о конце «холодной» войны или о любой другой животрепещущей теме современной политики. Хотя данная книга наполнена последними мировыми событиями, тема ее возвращает нас к очень старому вопросу: действительно ли в конце двадцатого столетия имеет смысл опять говорить о логически последовательной и направленной Истории человечества, которая в конечном счете приведет большую часть человечества к ли-

беральной демократии? Ответ, к которому я пришел, утвердительный по двум различным причинам. Одна из них относится к экономике, другая — к тому, что называется «борьбой за признание» (struggle for recognition).

Конечно, недостаточно обратиться к авторитету Гегеля, Маркса или любого из их современных последователей, чтобы обосновать направленность Истории. За те полтора столетия, что прошли после написания их работ, их интеллектуальное наследие подвергалось непрерывным атакам со всех сторон. Наиболее углубленные мыслители двадцатого столетия нападали на самую мысль о том, что история есть процесс логически последовательный и познаваемый; разумеется, такие мыслители отрицали возможность, что какой бы то ни было аспект человеческой жизни философски познаваем. Мы, жители Запада, выработали у себя глубокий пессимизм относительно возможности общего прогресса демократических институтов. Этот пессимизм не случаен, но порожден поистине страшными политическими событиями первой половины двадцатого века — две разрушительные мировые войны, взлет тоталитарных идеологий и обращение науки против человека в виде ядерного оружия и разрушения окружающей среды. Жизненный опыт жертв политического насилия прошедшего века — от переживших гитлеризм или сталинизм и до жертв Пол Пота — противоречит допущению, что на свете существует исторический прогресс. И конечно же, мы настолько привыкли теперь ожидать от будущего плохих вестей относительно здоровья, безопасности или достойной, либеральной и демократической политической практики, что нам трудно узнать хорошие новости, когда они появляются.

И все же хорошие новости есть. Наиболее замечательным поворотом событий последней четверти века было открытие неимоверной слабости в самом ядре с виду сильнейших в мире диктатур, будь они военно-автори-

тарными правыми или коммунистически-тоталитарными левыми. От Латинской Америки до Восточной Европы, от Советского Союза до Ближнего Востока и Азии сильные правительства в последние двадцать лет терпели крах. И хотя они не всегда уступали место стабильным либеральным демократиям, все же либеральная демократия остается единственным логически последовательным политическим стремлением, и она овладевает различными регионами и культурами во всем мире. Кроме того, распространились либеральные принципы экономики («свободный рынок»), которые сумели создать небывалый уровень материального благосостояния как в промышленно развитых странах, так и в тех, которые по окончании Второй мировой войны входили в нищий третий мир. Либеральная революция экономического мышления иногда опережала мировое движение к политической свободе, иногда следовала за ним.

Все эти направления развития, столь подверженные риску в страшной истории первой половины столетия, времени победного шествия тоталитарных режимов правых и левых, заставляют снова рассмотреть вопрос, нет ли в их основе какой-то глубокой связующей нити — или они просто случайные примеры удачного развития событий. Поднимая снова вопрос, существует ли на свете Универсальная История человечества, я возобновляю дискуссию, которая возникла в начале девятнадцатого века, но в наше время более или менее затихла из-за огромности событий, произошедших с тех пор с человечеством. Хотя идеи, которые я выдвигаю, были сформулированы такими философами, как Гегель и Кант, ранее занимавшимися теми же вопросами, я надеюсь, что приводимые мною аргументы имеют самостоятельную ценность.

В данном томе довольно нескромно делаются не одна, а *две* отдельные попытки дать контуры такой Универсальной Истории. Определив в части первой, зачем нам сно-

ва возвращаться к возможности Универсальной Истории, я во второй части пытаюсь дать начальный ответ, ища в современной науке механизм, или регулятор, объясняющий направленность и логическую последовательность Истории. Современная наука — полезная исходная точка, потому что это единственная важная общественная деятельность, которая одновременно и кумулятивна, и дирекциональна, хотя фактическое воздействие ее на счастье человечества неоднозначно. Прогрессирующее покорение природы, которое стало возможным после выработки научного метода в шестнадцатом и семнадцатом веках, идет по определенным правилам, установленным не человеком, но природой и ее законами.

Развитие современной науки оказало единообразное воздействие на все общества, где оно происходило, и причины этому две. Во-первых, техника обеспечивает определенные военные преимущества стране, которая ею владеет, а учитывая постоянную возможность войны в международных делах, ни одно государство, дорожащее своей независимостью, не может пренебречь необходимостью модернизации обороны. Во-вторых, современная наука создает единообразный простор для роста экономической производительности. Техника открывает возможность неограниченного накопления богатств и тем самым — удовлетворения вечно растущих желаний человека. Этот процесс гарантирует рост однородности всех человеческих обществ, независимо от их исторических корней или культурного наследия. Все страны, подвергшиеся экономической модернизации, должны весьма походить друг на друга: в них должно существовать национальное единение на базе централизованного государства, они урбанизируются, заменяют традиционные формы организации общества вроде племени, секты и клана экономически рациональными формами, основанными на функции и эффективности, и обеспечивают своим гражданам универсальное

образование. Растет взаимосвязь таких обществ через глобальные рынки и распространение универсальной потребительской культуры. Более того, логика современной науки, по-видимому, диктует универсальную эволюцию в сторону капитализма. Опыт Советского Союза, Китая и других социалистических стран указывает, что хотя весьма централизованная экономика была достаточна для достижения уровня индустриализации, существовавшего в Европе пятидесятых годов, она разительно неадекватна для создания того, что называется сложной «постиндустриальной» экономикой, в которой куда большую роль играют информация и технические новшества.

Но в то время как исторический механизм, представляемый современной наукой, достаточен для объяснения многих исторических перемен и растущего единообразия современных обществ, он недостаточен для объяснения феномена демократии. То, что наиболее развитые страны мира являются также наиболее успешными демократиями, — общеизвестный факт. Но хотя современная наука и приводит нас к вратам Земли Обетованной либеральной демократии, в саму эту Землю она нас не вводит, поскольку нет никакой экономически необходимой причины, чтобы развитая промышленность порождала политическую свободу. Стабильная демократия возникала иногда и в доиндустриальных обществах, как было в Соединенных Штатах в 1776 году. С другой стороны, есть много исторических и современных примеров технологически развитого капитализма, сосуществующего с политическим авторитаризмом, — от Японии Мэйдзи и Германии Бисмарка до современных Сингапура и Таиланда. Зачастую авторитарные государства способны давать темпы экономического роста, не достижимые в обществах демократических.

Таким образом, наша первая попытка найти основу направленности истории имеет лишь частичный успех.

То, что мы назвали «логикой современной науки», является, в сущности, экономической интерпретацией исторических изменений, но такой, которая (в отличие от марксистской версии) приводит в результате к капитализму, а не к социализму. Логика современной науки может многое объяснить в нашем мире: почему мы, жители развитых демократий, работаем в офисах, а не крестьянствуем, кормясь от земли, почему являемся членами профессиональных объединений, а не племен или кланов, почему мы повинемся власти чиновника, а не жреца, почему мы грамотны и говорим на языке, общем для нашего государства.

Но экономическая трактовка истории неполна и неудовлетворительна, потому что человек не является просто экономическим животным. В частности, эта трактовка бессильна объяснить, почему мы — демократы, то есть приверженцы принципа народного суверенитета и гарантий основных прав под управлением закона. По этой причине в части третьей этой книги мы обращаемся ко второму, параллельному аспекту исторического процесса, в котором учитывается человек в целом, а не только его экономическая ипостась. Для этой цели мы вернемся к Гегелю и его нематериалистическому взгляду на Историю, основанному на борьбе за признание.

Согласно Гегелю, люди, как животные, имеют естественные потребности и желания, направленные вовне, такие как еда, питье, жилье, а главное — самосохранение. Но человек фундаментально отличается от животных тем, что помимо этого он желает желаний других людей, то есть он желает быть «признан». В частности, он желает, чтобы его признавали *человеком*, то есть существом, имеющим определенное достоинство. Это достоинство прежде всего относится к его готовности рискнуть жизнью в борьбе всего лишь за престиж. Ибо только человек способен преодолеть свои самые глубинные животные инстинкты —

главный среди которых инстинкт самосохранения — ради высших, абстрактных принципов и целей. Согласно Гегелю, дракой двух первобытных бойцов изначально движет жажда признания, желание, чтобы другие «признали» их людьми за то, что они рискуют жизнью в смертной схватке. Когда природный страх смерти заставляет одного из сражающихся покориться, возникают отношения хозяина и раба. Ставка в этой кровавой битве на заре истории — не еда, не жилье и не безопасность, а престиж в чистом виде. И в том, что цель битвы определена не биологией, Гегель видит первый проблеск человеческой свободы.

Жажда признания может поначалу показаться понятием незнакомым, но оно так же старо, как традиция западной политической философии, и является вполне известной стороной человеческой личности. Впервые она была описана в «Республике» Платона, когда он заметил, что у души есть три части: желающая часть, разумная часть и та часть, которую он назвал «тимос», или «духовность». Большая часть поведения человека может быть описана комбинацией первых двух составляющих, желания и рассудка: желание подвигает людей искать нечто вне себя самих, рассудок подсказывает лучшие способы это осуществить. Но кроме того, люди ищут признания своих достоинств или тех людей, предметов или принципов, в которые они эти достоинства вложили. Склонность вкладывать себя как некую ценность и требовать признания этой ценности мы на современном популярном языке назвали бы «самооценкой». Склонность ощущать самооценку исходит из той части души, которая называется «тимос». Эта склонность похожа на врожденное человеческое чувство справедливости. Люди считают, что они имеют определенную ценность, и когда с ними обращаются так, будто эта ценность меньше, чем они думают, они испытывают эмоцию, называемую *гнев*. Наоборот, когда человек не оправдывает представления о своей